

УДК 811.161.1 + 81'282.2
DOI: 10.17223/19986645/73/8

И.С. Урманчеева

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОСНОВАННЫЕ НА ПСЕВДОИСЧЕРПАНИИ, В ГОВОРАХ НИЗОВОЙ ПЕЧОРЫ

Рассматриваются печорские фразеологические единицы, в основе построения которых лежит процедура псевдоисчерпания, т.е. частичного перечисления элементов семантического множества. Компоненты подобных конструкций находятся в разнообразных парадигматических отношениях, а сами фраземы строятся по законам ритмико-рифмической гармонизации. Раскрывается семантический потенциал сочинительных конструкций с псевдоисчерпанием. Исследуется роль локальных компонентов в моделировании семантики идиом.

Ключевые слова: говоры Низовой (Нижней) Печоры, печорская фразеология, сочинительные конструкции с отрицанием, псевдоисчерпание

Псевдоисчерпание – это частичное перечисление элементов множества, представляющих собой все множество (*ни сват ни брат, ни кола ни двора*) [1. С. 24]. Псевдоисчерпание относится к видам переинтерпретации, которая, наряду с непрозрачностью и усложнением способа указания на денотат, является составляющей категории идиоматичности [2. С. 30–50]. Природа идиоматичности заключается в том, что слова-компоненты исходного сочетания «отрываются» от своей области референции и переключаются на новую референтную отнесенность за счет включения в новый фрейм и утраты любых связей со своим источником, кроме мотивации [3. С. 142–143].

Как правило, фразеологизмы, основанные на псевдоисчерпании, представляют собой конструкции с сочинительными союзами *и, да, ни...ни, то...то*, а также союзами *и...и*, частицами *не...не*. В составе подобных фразеологизмов служебные компоненты образуют фразеологическую рамку, которая заполняется определенным лексическим материалом; при этом знаменательные компоненты семантически деактуализируются [4. С. 113–114]. Среди особенностей оборотов, представляющих собой конструкции с сочинительными союзами, Н.М. Шанский называет грамматическую однородность компонентов таких выражений (это слова одной части речи, однородные члены предложения), сумма значений компонентов в конструкциях подобного типа определяет значение оборота в целом [5. С. 82].

Модели, основанные на псевдоисчерпании, по своей природе являются метонимическими, когда во внутренней форме идиомы фиксируется часть процедуры, действия, общей ситуации, хотя имеются в виду вся процедура, все действие, вся ситуация [1. С. 23]. Метонимическая природа подобных конструкций не исключает образности, символичности отдельных компонентов или скриптов.

Статья посвящена сочинительным конструкциям с отрицанием, построенным с использованием союза *ни... ни*. Очевидно, процедура псевдоисчерпания распространяется и на конструкции типа *шумливый да громливый*; *и косит и носит*; *не ткальня не пряльня*; *кто по дрова, кто по сено*; *не крестом, так пестом*. Но подобные фразеологические единицы (ФЕ)¹ объектом данной работы не являются.

Фразеологические обороты, представляющие собой конструкции с сочинительными союзами, привлекают внимание и признанных ученых, специалистов-практиков, преподавателей (см., например: [5. С. 82–83; 6. С. 180–184; 7]), и молодых исследователей (например: [8, 9]). В работах, посвященных фразеологизмам с сочинительными союзами, затрагиваются такие аспекты, как семантико-грамматическая классификация подобных конструкций, роль сочинительного союза в структуре фразеологической единицы, компонентный состав оборотов, моделирование семантики и варианты фразеологизации. Помимо изучения общих семантико-грамматических вопросов, ученые рассматривают конкретные фразеологизмы под определенным ракурсом, например в лингвокультурологическом [10], коммуникативно-прагматическом [11] или в сопоставительном аспекте [12, 13]. Процедура псевдоисчерпания, характеризующая идиомы с союзами *ни... ни*, описана А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским (см, например: [1, 2]), анализу в этих работах подвергаются идиомы литературного языка.

В настоящем исследовании рассматриваются преимущественно фразеологические единицы говоров Низовой (Нижней) Печоры², литературные фраземы привлекаются лишь в сопоставлении с печорскими оборотами. Сочинительные конструкции говоров Низовой Печоры, основанные на процедуре псевдоисчерпания, до сих пор комплексно не изучались, в этом заключается научная новизна и актуальность работы. Комплексное исследование преследует цель охарактеризовать конструкции с псевдоисчерпанием с разных точек зрения: структуры и семантики, компонентного состава, механизмов реализации процедуры псевдоисчерпания как вида переинтерпретации, художественных особенностей идиом. Немаловажной

---

¹ Термины *фразеологическая единица (ФЕ)*, *фразеологизм*, *фразеологический оборот*, *фразема* в настоящей работе употребляются как взаимозаменяемые, синонимичные.

² Фразеология говоров Низовой Печоры не является замкнутой и уникальной системой. Многие фразеологические единицы широко распространены не только в печорских, но и в других севернорусских говорах и даже за их пределами, некоторые находятся на грани диалектного и общенародного употребления. Русские говоры Низовой Печоры – это речь коренных жителей Усть-Цилемского района Республики Коми Российской Федерации; все примеры употребления фразеологизмов зафиксированы в поселениях, расположенных по реке Печоре и ее притокам Пижме, Цильме и Нерице. В русских говорах Низовой (Нижней) Печоры (говорах территории позднего заселения, говорах вторичных), благодаря островному положению и соседству с иноэтничным – коми и ненецким – населением, сохранились архаичные явления и появились новообразования, а также заимствования из соседних языков и диалектов. По языковым особенностям это достаточно однородные говоры архангельского (поморского) типа [14. С. 21] (более подробное описание печорских говоров и библиографию см. в других работах автора).

задачей является рассмотрение подобных оборотов на фоне общерусского фразеологического фонда, в отдельных случаях печорские фразеологизмы сравниваются с выражениями других говоров, в основном территориально близких.

Все рассмотренные в статье печорские фразеологические единицы зафиксированы во «Фразеологическом словаре русских говоров Нижней Печоры» (составитель Н.А. Ставшина) [15]. Для облегчения восприятия материала ссылки на словарь в большинстве случаев не приводятся.

Компонентный состав конструкций с псевдоисчерпанием

Псевдоисчерпание как способ идиоматического кодирования смысла строится на компонентах, находящихся в разных **парадигматических отношениях**, – антонимических, синонимических, гиперо-гипонимических, гипонимических и др.

Языковые антонимы лежат в основе таких печорских идиом, как *ни дня ни ночи (не знать)*, *ни сзади ни спереди*, *ни добром ни лихом*¹. Противопоставление в подобных фразах является не конечной целью, а средством создания целостного представления об объекте номинации [6. С. 184]. Во фразеологизмах с компонентами-синонимами и **семантически близкими словами** псевдоисчерпание осложняется плеоназмом, например: *ни дела ни работы*, *ни складу ни ладу*, *ни краю ни конца*. Компоненты-синонимы могут быть общенародными или диалектными: *ни скота ни живота*, где *живот* – устар. ‘домашний скот’ [16. С. 222], печор. ‘сельскохозяйственное животное’ [17. Т. 1. С. 207], *ни в тешках ни в бажках*, где *тешка*, *бажка* – ‘забота, уход, любовь’ [17. Т. 2. С. 348].

Компоненты, находящиеся в **гипонимических** (видовых) отношениях, образуют незамкнутое семантическое множество, все члены которого не могут быть перечислены в одной идиоме: *ни за грош ни за копейку*, *ни мушцы ни крупыцы*. Между компонентами в конструкциях с псевдоисчерпанием возможны **партитивные** (*ни гробу ни могилы* ‘об умершем человеке, чье тело не захоронено’, *ни куста ни листа (не знать)* ‘совсем не знать данной местности’) и **паронимические** отношения (*ни одеть ни надеть* ‘нет никакой одежды’). Подобным оборотам присуща смысловая избыточность, плеонастичность.

Парадигматика компонентов сочинительных структур с отрицанием требует более детального рассмотрения, ей будет посвящена отдельная работа.

Конструкции с псевдоисчерпанием могут включать не только слова-компоненты, которые находятся в разнообразных парадигматических отношениях, но и целые **сценарии (скрипты)**, описывающие «стереотипные эпизоды с признаком движения, развития» [18. С. 119]: *ни печь затопить*, *ни в рот положить* ‘ничего нет в доме, в хозяйстве’, *ни в дороге товарищ*,

---

¹ Семантика оборотов более подробно будет рассмотрена далее.

ни в деревне сосед. Составные элементы двучленных конструкций описывают события, ставшие частью жизненного опыта носителей диалекта. Механизм процедуры псевдоисчерпания предполагает перечисление взаимосвязанных, часто оппозитивных эпизодов, которые тем не менее не называют всего разнообразия бытовых ситуаций: *ни с собой взять, ни дома не оставить* ‘о больном или пьяном человеке’, *ни пером писать, ни топором чесать* ‘ничего не уметь’: *перо* и *топор* символизируют интеллектуальную и физическую работу соответственно, *ни от дождя ухороны, ни от стужи обороны*: *дождь* и *стужа* – наиболее частые проявления плохой погоды, свойственные разным временам года.

Ср.: *У их-то, алкашей, ни печь затопить, ни в рот положить* (с. Усть-Цильма, Республика Коми); *Непостоянный, ненадёжный, нельзя положиться на него, ни в дороге товарищ, ни в деревне сосед* (д. Замежная Усть-Цилемского р-на); *Ни с собой взять, ни дома не оставить, напьётся да не заспит, дак как из дому-то уйдёшь* (д. Коровий Ручей); *Ни с собой взять, ни дома не оставить, он ведь больной, дак как его одного оставить* (с. Усть-Цильма); *Этот уж ни пером писать, ни топором чесать, ни богу свечка, ни чёрту ожег* (с. Усть-Цильма); *Одежонка тогда плохая была, ветхая, в заплатах, дак ни от дождя ухороны, ни от стужи обороны* (д. Замежная).

Не последнюю роль в выборе компонентов при процедуре псевдоисчерпания играет эвфоническая организация идиомы – семантически немотивированный выбор компонентов, обнаруживающих звуковое сходство, рифмующихся: *ни дому ни лому; ни дому ни кому; ни дому ни грому; ни кошки ни ложки; ни шалко ни валко; ни здрасти ни прости, ни править ни грести*. В диалектной речи возникновению рифмованной формы способствуют диалектные фонетические явления, например, чоканье: *Дак ведь он всю жизнь такой, ни туш, ни плеч, один горбеч* [15. Т. 2. С. 118]. Осложнение формы возникает также в результате редупликации¹: *ни на ноги носавки ни на руки рукавки; ни прясть, ни ткать, ни вязьё вязать*.

Печорские фразеологизмы, основанные на псевдоисчерпании, включают в свой состав диалектные лексемы: *ни рубахи ни перемывахи* ‘совсем ничего нет’, где *рубаха* – ‘женская длинная холщовая рубашка с рукавами, надеваемая под сарафан’, *перемываха* – ‘одна из рубашек, которые носят на смену’ [17. Т. 2. С. 233], *ни туюсу ни губ* ‘нет самого необходимого’, ‘нет средств’, ‘нет толку, пользы’, где *туес* ‘берестяной сосуд цилиндрической формы с деревянным дном и крышкой’ [17. Т. 2. С. 362], *губы* ‘грибы’ [17. Т. 1. С. 161] и др.

Конструкции с псевдоисчерпанием могут включать компоненты, употребляющиеся в разных значениях. В идиоме *ни с горы ни с воды* ‘ниоткуда (не приносить добычу для семьи и хозяйства); о неумелом, ленивом мужчине’ (ср.: «Ванька-то у нас хозяин – *ни с горы ни с воды*: ни грибов не

¹ Усложнение дескрипции с помощью квазисинонимов и редупликаций А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский считают одним из факторов идиоматичности [2. С. 47–48].

наготовил, ни ягод, ни веников, ни дров на зиму, ни рыбы» (с. Усть-Цильма)) слово *гора*, вероятно, употребляется в значении 'лес' [17. Т. 1. С. 146]. В целом во фразеологизме противопоставляются основные способы добычи питания несельскохозяйственным способом – охота, сбор дикоросов и рыбалка, – особенно актуальные для жителей северного лесного Печорского края. А в обороте *ни горой ни водой* 'никакими средствами (не добравшись куда-то)' (ср.: *Они продукты до распуты заготовляют; когда распута, дак к им ведь ни горой ни водой не добравшись* (д. Новый Бор)) компонент *гора*, по всей видимости, означает 'высокий берег реки' [17. Т. 1. С. 146], поскольку Нижняя Печора – край удаленный, труднодоступный, с плохо развитой транспортной инфраструктурой¹.

Корреляция диалектных и общерусских идиом

В диалекте существуют разнообразные варианты общерусских фразеологизмов с конструкцией псевдоисчерпания. Например, печорские ФЕ *ни глаз ни рожки, ни туши ни рожки, ни рожей ни кожей не выйти* (ср.: *Чёй-но ты в ней наишёл-то, ни глаз ни рожки, небаска девка; Ни туши ни рожки, а какого парня отхватила²; Не вышел, бенный, ни рожей ни кожей – худой, и больной, и небаской*) по значению полностью идентичны общерусскому выражению *ни кожи ни рожки* 'кто-либо очень худ, некрасив' [22. С. 301]. По форме их можно квалифицировать как лексический (*ни глаз ни рожки, ни туши ни рожки*) и количественно-морфологический (*ни рожей ни кожей не выйти*) варианты литературных идиом. Лексическая вариантность наблюдается между печорским выражением *ни к селу ни к берегу* 'не к месту, некстати (сказать)' [15. Т. 2. С. 112] и общерусским оборотом *ни к селу ни к городу* 'совершенно не к месту, некстати' [22. С. 608]. Нелогичный на первый взгляд выбор компонентов *село – берег*, в противовес антонимичным *село – город*, можно объяснить лишь особой значимостью для диалектоносителя – сельского жителя – пространственных маркеров, важных для его картины мира.

Лексическая вариантность компонентов в ФЕ *ни богу свечка ни чёрту кочерга* (общерус.) и *ни богу свечка ни чёрту ожег* (печор.) объясняется историческими причинами. В.М. Мокиенко предполагает, что именно компонент *ожег* был во фразеологизме исходным, а впоследствии подвергся лексической замене на слово *кочерга* (более подробно см.: [23.

---

¹ Всю ближнюю и дальнюю устьцилемскую округу вместе с рекой Печорой и ее притоками – Пижмой и Цильмой – называют устьцилемским краем. До эпохи самолетов и моторных лодок попасть сюда было непросто, реки текут в лесах и пожнях, через пороги, а в верховьях они сжимаются скалами. Пижма – река своенравная, прихотливая, каменистая. Цильма – спокойная, широкая [19. С. 81–110].

² Фразеологизм *ни туши ни рожки* употребляется также в Прилузском р-не Республики Коми [20. С. 266] (русские говоры Прилузья не относятся к говорам Низовой Печоры), а в варианте *не из туши не из рожки* 'кто-либо не выделяется ни ростом, ни красотой' – в пермских говорах [21. С. 384].

С. 13–17]). В говорах Низовой Печоры слово *ожег* означает ‘палка, которой мешают угли в печи; кочерга’ [17. Т. 1. С. 512]. Конструкция псевдоисчерпания предполагает отрицание сопоставимых понятий – «богова» (*свеча*) и «чертова» (*ожег, кочерга* – ‘головешка, огарыш, лучина, обгорелая деревяшка’) источников света [24. С. 58].

Идиомы *ни туда и ни сюда* представляет собой семантический вариант (омоним) общерусского оборота, поскольку в говорах Низовой Печоры имеет значения, отсутствующие в литературном языке: ‘недалеккий, ограниченный’, ‘неумелый’ (ср.: *Она ницё не врандует, ницё ей не объяснить, ни туда и ни сюда* (д. Загивочная); *Да она ни туда и ни сюда, ничё не умет* (д. Замежная)).

В некоторых случаях имеет место не межсистемная вариантность фразеологизмов, а лишь частичное совпадение компонентного состава и образной основы. Например, исходной формой собственно русского оборота *на кривой не объедешь* было сочетание *на кривой лошади не объедешь* [24. С. 358]. Этому фразеологизму в говорах Низовой Печоры соответствует выражение *ни на простом, ни на вороном коне не объедешь* [15. Т. 2. С. 114], в котором процедура псевдоисчерпания, распространяющаяся только на адъективные компоненты, усиливает отрицательный эффект, преследует цели экспрессивной интенсификации.

Интересно отметить существование в русских говорах отрицательных конструкций с псевдоисчерпанием, в которых угадываются общерусские идиомы иной структуры. И если в одних случаях подобной трансформации подвергаются сочинительные конструкции: печор. *ни тьяп ни ляп* ‘кто-либо совсем не умеет делать никакую работу, необходимую в домашнем хозяйстве’ [15. Т. 2. С. 118] (ср. общерус. *тяп-ляп, тьяп да ляп, тьяп и ляп* [22. С. 695]), то в других преобразование носит более сложный, труднообъяснимый характер: печор. *<бедному> ни пень ни колода*¹ ‘неумелый человек ни в чем удачи не знает’ [15. Т. 1. С. 30] (ср. общерус. *через пень колоду*). Структурное несоответствие диалектных и литературных идиом сопровождается семантическим диссонансом: печорский оборот *ни тьяп ни ляп* характеризует человека², в то время как общерусский фразеологизм *тяп-ляп* дает качественную оценку действию. Аналогичное значение наблюдается у ФЕ *через пень колоду*, что совсем не соответствует семантике печорского выражения *<бедному> ни пень ни колода*.

Ср.: *Сидор-то уж ни тьяп ни ляп, никакого толку от него в хозяйстве нету – не мастеровой* (д. Замежная) и *Деревенский, видно, плотничек строил ложу – тьяп да ляп* (Некрасов. Коробейники) [22. С. 695]. *Этот уж ни пень ни колода, ни на что не годный* (д. Нонбург) и *[Панин] оста-*

¹ В псковских говорах есть фразеологизм *ни в пень ни в колоду*, который означает ‘не нравится, не подходит кому-либо что-либо’, ‘неумелый, нерасторопный’ [25. С. 60].

² В русских говорах Карелии ФЕ *ни тьяп ни ляп* имеет сходное значение ‘о неумелом, нерасторопном человеке’ [26. Т. 3. С. 178], а в говорах Прикамья – ‘о незначительном, ничем не выделяющемся человеке’ [27. С. 103].

вался ко всему равнодушен, всё делал нехотя, **через пень колоду** (Вигдорова. Дорога в жизнь) [22. С. 458].

Любопытным представляется существование в печорских говорах фразеологизма *ни мачинки ни росинки* ‘нет никаких продуктов’ [15. Т. 2. С. 114], который явно соотносится с такими общерусскими и диалектными оборотами, как *маковой росинки во рту не было*, *маковой росинки в рот не брать*, *ни маковой росинки* ‘совсем ничего (не дать, не сделать и т.п.)’, *ни на маковую росинку* ‘ничуть, нисколько’ [28. С. 364], пск. *хоть бы макова росинка* [25. С. 65], ряз. *в роте росинки не было* ‘не ел, не пил ничего’, *ни росинки* ‘нисколько, совсем’ [29. С. 492]. Именно бинарная конструкция требует унификации компонентов, в результате чего адъективная лексема становится субстантивной, а атрибутивные отношения сменяются координативными¹.

В говорах Низовой Печоры широко употребляется фразеологизм *ни тпру, ни ну*, *ни кукареку*, не зафиксированный ни во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А.И. Молоткова, ни во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А.И. Федорова. В «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского фразеологизм *ни тпру ни ну* [*ни кукареку*] приводится с факультативным компонентом под таксоном ‘тщетные усилия, бесполезное упорство’ и подтверждается примером из разговорной речи: «— Как дела? Как идёт проект? — Пока на том же месте. **Ни тпру ни ну ни кукареку**» [31. С. 916, 920]. В говорах Низовой Печоры фразеологизм *ни тпру, ни ну, ни кукареку* имеет следующие значения: ‘кто-либо не обладает никакими познаниями’ (ср.: *А чё ты знаешь? Ни тпру, ни ну, ни кукареку* — *столь ты и знаешь* (д. Замежная)), ‘незначительный, незаметный человек’ (ср.: *Он у ей пусто место, ни тпру, ни ну, ни кукареку* (с. Усть-Цильма)) [15. Т. 2. С. 118]. Вероятно, фразеологизм и по форме, и по значению представляет собой результат контаминации двух общерусских выражений с псевдоисчерпанием: *ни тпру ни ну* ‘о ленивом, безынициативном человеке: никак не проявляет себя, ничего не предпринимает, не делает’, ‘о работе, деле: не дает никаких результатов’ [22. С. 688] и *ни бе ни ме* <*ни кукареку*> ‘совершенно ничего (не понимать, не знать)’ [22. С. 19]. Первая часть идиомы построена на антитезе, возгласами *Тпру!* и *Ну!* останавливают и понукают лошадь [24. С. 696]. Дополнительный конструктивный элемент *ни кукареку* преследует, вероятно, шутиливо-акустические цели: вся фраза построена на комично звучащих междометиях, которые в сочетании с абсурдным по смыслу звукоподражанием звучат еще более комично. По мнению А.М. Бабкина, образование новой фразеологической единицы в результате контаминации двух семантически близких фразеологических единиц можно признать закономерным фактом языкового развития фразеологического состава [32. С. 29]. Наиболее распространенным типом контаминации фразеологизмов является соединение частей двух ФЕ, не совпадающих по лек-

¹ Синтагма координативная — то же, что сочинительное словосочетание [30. С. 408].

сическому составу, но сходных по синтаксической структуре или функции [32. С. 32–33]. В печорской идиоме *ни тпру, ни ну, ни кукареку* значения общерусских выражений-прототипов соединились, образовав фраземуполисемант¹, которую можно квалифицировать как семантический вариант общерусского выражения.

Нельзя исключать, что трансформация ФЕ *ни мачинки ни росинки* и *ни тпру, ни ну, ни кукареку* носит окказионально-речевой характер, хотя они зафиксированы в разных селах Усть-Цилемского района Республики Коми, поэтому вероятность окказионального образования этих оборотов невелика. Более того, по наблюдениям исследователей, «фразеологизмы, образованные на основе сочетания слов с сочинительной связью, крайне редко подвергаются трансформациям. Такая преобразовательная пассивность обусловлена строением фразеологизмов, в частности их двухкомпонентной моделью с ритмической маркированностью. В определённом ритме кроется особая выразительность этих ФЕ; нарушение ритма, к примеру, окказиональными распространителями снижает выразительную ценность фразеологизма» [11. С. 104].

Структурные и семантические особенности фразеологизмов

Большинство конструкций с псевдоисчерпанием имеет двухчастную структуру (*ни встретить ни проститься, ни выходу ни выезду, ни в сусеке ни в мешке*). Трехчастная или четырехчастная организация свойственна небольшому числу устойчивых выражений, причем компоненты подобных конструкций могут находиться как в одинаковых парадигматических отношениях (примеры см. выше), так и в разных, несовпадающих (*ни есть, ни пить, ни в клеть полезть; ни купить ни продать, ни налить ни подать*). В этих случаях, как правило, идиома расширяется до размеров поговорки или пословицы.

Конструкции с псевдоисчерпанием способны передавать ограниченное число семантических идей. Во-первых, это семантика отсутствия чего-либо (известий, причин, возможностей, отдыха, заботы, свободы, существования, пользы, границ и под.), например: *ни письма ни грамотки* ‘нет никаких известий от кого-либо’, *ни горой ни водой* ‘никакими средствами’, *ни выходных ни проходных* ‘нет никакого отдыха’, *ни в тешках ни в бажках* ‘не быть избалованным семьей или жизнью’, *ни пены ни пузыря* ‘нет никаких следов чьего-то присутствия’, *ни в путь ни в толк* ‘без пользы, без толку’.

Особенно многочисленным в составе этой группы является семантическое объединение, которое указывает на **отсутствие имущества, крайнюю бедность** (*ни коня ни двора, ни дому ни лому, ни двора ни ограды* и др.) или, как вариант, **отсутствие чего-то конкретного** (*ни кошки ни ложки, ни одеть ни надеть, ни мачинки ни росинки, ни гробу ни могилы*).

---

¹ Первое значение печорского оборота *ни тпру, ни ну, ни кукареку* ‘кто-либо не обладает никакими познаниями’ мотивировано значением общерусской ФЕ *ни бе, ни ме, ни кукареку*, второе значение ‘незначительный, незаметный человек’ – семантикой ФЕ *ни тпру ни ну*.

Во-вторых, довольно часто конструкции с псевдоисчерпанием характеризуют человека по внешним признакам, душевным качествам, интеллектуальным и поведенческим свойствам. Как правило, это характеристика человека **внешне непривлекательного** (*ни сзади ни спереди* ‘о худой, плоскогрудой женщине’, *ни глаз ни рожки*), **неумелого, недобросовестного, ленивого** (*ни течи ни речи, ни в сноп ни в горсть*), **невежливого, неприветливого** (*ни здрасти ни прости*), **хитрого, проницательного, упрямого** (*ни на простом, ни на вороном коне не объедешь; ни складу ни ладу*), **большого / пьяного** (*ни с собой взять, ни дома не оставить*), **не соблюдающего обычай** (*ни богу ни поклону*), **недалекого, ограниченного** (*ни ося ни орю, ни аз ни баз (не знать)*), в целом **ничем не примечательного** (*ни виду ни шерсти*).

Большинство конструкций с псевдоисчерпанием обладают отрицательно-оценочной семантикой: это либо констатация отсутствия чего-либо, крайне необходимого человеку (ситуации нищеты, голода, несвободы, тяжелого труда и под.), либо характеристика негативных качеств человека – непривлекательности, никчемности, посредственности, ограниченности и др., либо в целом отражение семантической идеи неопределенности, которая «априори рассматривается в обыденном сознании как что-то плохое» [33. С. 40]. Важной стилистической характеристикой диалекта является его склонность к грубоватому, фамильярному, а зачастую и вульгарному, с точки зрения стилиста – носителя литературного языка, способу выражения¹ [34. С. 43]. Нейтральные, а тем более положительнооценочные выражения единичны: *ни краю ни конца* ‘не видно границ чего-либо’ (ср.: *У их ведь пожни были – ни краю ни конца* (д. Нонбург), *Беда уж Косминско-то озеро како-ли большуишэ, ни краю ни конца не видать* (д. Трусово)), *ни шуму ни грому* ‘кто-либо ведет себя тихо, спокойно, никого не беспокоит’ (ср.: *Дак у вас соседи-то вон каки – ни шуму ни грому* (д. Степановская)). По всей видимости, отрицательная структура сочинительных конструкций с союзом *ни... ни*, основанных на процедуре псевдоисчерпания, препятствует развитию положительной семантики.

Далее более подробно остановимся на фразеологизмах, особенно значимых в историко-культурном плане, выражающих семантическую идею в концентрированном виде или обладающих широкой варьированностью в диалекте и литературном языке.

Семантическая идея отсутствия имущества выражается общерусской фразеологической единицей *ни кола ни двора*, которой в говорах Низовой Печоры соответствуют многочисленные варианты и синонимы с постоянными и переменными компонентами². Формула псевдоисчерпания стремится расшириться за счет включения неперечисленных компонентов множества, что, при невозможности включения всех вероятных членов в один оборот,

¹ Ср. печорский презрительный оборот *ни титок, ни холок, и жс*** как осколок* ‘очень худая женщина’ [15. Т. 2. С. 117].

² Широкая варьированность фразеологизма *ни кола ни двора* свойственна и фольклорному дискурсу (см.: [10]).

создает условия для возникновения вариантности: *ни кола, ни двора, ни милого живота* / *ни кола, ни двора, ни перегородки* / *ни кола, ни двора, ни поддворная труба* / *ни кола, ни двора, ни поддворного места* / *ни кола ни задоринки* (более подробно см.: [35. С. 129–130]). Н.М. Шанский предполагает эллипсизацию оборота *ни кола, ни двора, ни милого живота* до общеизвестного варианта [5. С. 114]. Существуют разнообразные этимологические версии объяснения исходной семантики фразеологизма. Основные споры ведутся по поводу истолкования значения слова *кола*, приводятся преимущественно следующие объяснения: 1) *кола* – ‘полоса пахотной земли шириной в две сажени’ (Борзенко); 2) *кола* – ‘небольшой участок земли’ (Шанский); 3) *кола* – ‘дым’ (Федорова); 4) *кола* – ‘дом, жилище’ (Тимошенко); 5) *кола* – ‘толстая палка с заостренным концом’ (Мокиенко) [24. С. 317–318]. Неоднородность семантики компонентов третьей части поговорки, а также ее широкая варьированность ставят под сомнение утверждение об импликации какого-то конкретного оборота до общеизвестной идиомы [23. С. 126–127].

Непрозрачность компонента *кола* в идиоме *ни кола ни двора* способствует народно-этимологической интерпретации с заменой этого компонента на более понятный и оправданный (ср. попытку объяснения внутренней формы идиомы диалектоносителем: *У нас-то чаще говорили: ни кола ни двора. К колу ведь хоть лодку привяжешь или лошадь. А ещё говорили: ни коня ни двора. Но так редко говорили: не у всех ведь были кони* [15. Т. 2. С. 113]). С синхронной точки зрения компонент *кола* понимается как ‘палка с заостренным концом, служащая для создания забора, ограды’, что находит отражение в диалектных вариантах оборота: *Она ведь одна жила, мужика не было, дак чё, жила, бедна, ни двора ни ограды* [15. Т. 2. С. 111].

Семантическая идея бедности, отсутствия имущества может быть выражена отрицанием элементов довольно большого лексического множества, включающего слова с самой разнообразной семантикой собственности, начиная с наименований личных вещей и заканчивая названиями движимого и недвижимого имущества. Идиома не предполагает перечисления всех элементов множества, вследствие чего подобные семантические идеи успешно реализуются посредством процедуры псевдоисчерпания. Это позволяет перечислить в идиоме взаимосвязанные компоненты, образующие единую семантическую область. В состав идиом, таким образом, включаются однородные компоненты со значением материального имущества (*ни дому ни лому*), живых существ (*ни скота ни живота*), а также неоднородные компоненты, объединяющие имущество живое и неживое (*ни кошки ни ложки, ни рогатки ни лопатки*) и даже материальное и нематериальное (*ни дому ни грому* ‘нет у кого-либо ни хорошего жилья, ни семьи, ни ссор, ни шума’).

Конструкции с псевдоисчерпанием успешно характеризуют человека, не обладающего ярко выраженными личностными качествами: недалекого, неумелого, никчемного, посредственного. В упомянутой выше статье автора [35. С. 126] было охарактеризовано выражение *ни рыба ни мясо, <ни кафтан ни ряса>*, в котором посредственность, отсутствие индивидуаль-

ности выражается кулинарными и социальными образами: гастрономическая метафора продукта, «природу и качество которого невозможно определить» [36. С. 486], поддерживается образами традиционной одежды, метонимически указывающими на лиц определенного социального статуса – гражданских (*кафтан*) и духовных (*ряса*). По мнению некоторых этимологов, двучленный фразеологизм первичен, а эксплицитные, пословичные варианты являются лишь его вторичными локальными развертываниями [24. С. 616–617]. Сходным смыслом обладает ФЕ *ни в сноп ни в горсть*¹ ‘о ком-либо невыразительном, безликом, не интересном ни в каком отношении’: *Игнашка у их ни в сноп ни в горсть, никудышной* [15. Т. 2. С. 109]. Вообще считается, что с концептами обыденности, ординарности граничит поле нормативности, т.е. рядовое, заурядное, посредственное – норма. Однако в области аксиологических понятий норма не лежит в середине шкалы, а совпадает с ее позитивной частью [37. С. 7, 12]. Следовательно, человек, не обладающий яркими, индивидуальными чертами, воспринимается не как соответствующий норме, а как отклоняющийся от нее в сторону негативного полюса.

Семантика умственной ограниченности, неприспособленности к жизни и неспособности к каким-либо занятиям тоже успешно реализуется сочинительными конструкциями, которые не требуют отрицания всех элементов соответствующей семантической области: *ни дома ни на поле* ‘нигде (кто-либо не хочет работать)’, *ни туда и ни сюда* ‘недалекий, ограниченный’, ‘неумелый’, *ни в работе ни в гульбе* ‘кто-либо ни в чем не способен себя проявить’, *ни аз ни баз (не знать)* ‘непонятливый, бестолковый’, *ни прясть, ни ткать, ни вязьё вязать* ‘о девушке, не приученной ни к какой женской работе, любящей только развлекаться’, *ни послать ни помогчи* ‘о никчемном человеке, от которого нет никакой помощи’.

Выводы

Анализ диалектного материала позволил отметить более широкую представленность фразеологических единиц, основанных на псевдоисчерпании, в печорских говорах по сравнению с литературным языком (многие из проанализированных печорских оборотов употребляются и на других территориях). Количественное превалирование подобных конструкций может быть объяснено, в том числе и широкой варьированностью фразеологических единиц в диалекте, где наряду с общерусскими выражениями употребляются их региональные варианты (*ни туши ни рожки, ни рожей ни кожей не выйти, ни к селу ни к берегу, ни богу свечка, ни чёрту ожег*). Числовой состав сочинительных конструкций с отрицанием увеличивается благодаря компонентам-локализмам, которые в литературном языке, как правило, не употребляются.

---

¹ С пометой *обл.* оборот *ни в горсть ни в сноп* в значении ‘без видимых результатов’ зафиксирован во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А.И. Федорова [22. С. 153].

Процедура псевдоисчерпания предполагает перечисление неких элементов семантического множества, которые являются манифестаторами всего множества. При этом выбор компонентов-манифестаторов не всегда закономерен и логически оправдан, зависит от объема лексической группировки. Поэтому компоненты-оппозитивы, синонимы и квазисинонимы наиболее логично вписываются в сочинительную конструкцию с отрицанием и обладают высокой степенью прогнозируемости состава фразеологизма. Семантическая однородность компонентов создает смысловую избыточность, плеонастичность, а также способствует экспрессивной интенсификации оборотов. Спорадический выбор элементов присущ оборотам с тематически разнородными компонентами (*ни присесть ни поесть, ни поспать ни помочь, ни с краю ни с берегу* и др.).

Компоненты конструкций с псевдоисчерпанием, как правило, находятся в разнообразных парадигматических отношениях – антонимических, синонимических, гипонимических, партитивных, ассоциативных и ситуативных. Но такой вид отношений в анализируемых конструкциях не единственный. Мнимое впечатление представленности всех элементов множества может передаваться когнитивными сценариями (*ни печь затопить, ни в рот положить; ни пером писать, ни топором чесать; ни в дороге товарищ, ни в деревне сосед* и др.). Некоторые компоненты идиом находятся в отношениях дизъюнкции.

Эвфоническая организация идиомы играет не последнюю роль в выборе компонентов при процедуре псевдоисчерпания. Возможно, именно стремление подобных конструкций к эвфонической стройности, основанной на ритмико-рифмической организации, влечет использование семантически непрозрачных или окказиональных компонентов (*ни корки ни макорки, ни сдоху ни отдоху, ни вести ни повести, ни аз ни баз*).

Семантика конструкций с псевдоисчерпанием, констатирующих отсутствие чего-либо (имущества, отдыха, свободы и под.) или негативно характеризующих человека, обуславливает оценочную ориентированность оборотов. Большая часть идиом в говорах Низовой Печоры обладает пейоративной семантикой, нейтральные и мелиоративные фраземы представлены единичными примерами.

Диалект предлагает богатый материал для исследования механизмов переинтерпретации, и в частности такой ее разновидности, как псевдоисчерпание. Исследования подобного рода расширяют представления о категории идиоматичности.

Литература

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 21–34.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М. : Знак, 2008. 656 с.
3. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
4. Жуков В.П., Жуков А.В. Русская фразеология. М. : Высшая школа, 2006. 408 с.

5. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М. : Высшая школа, 1985. 160 с.
6. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология. М. : Флинта : Наука, 2009. 344 с.
7. Хлызова Т.Н. Фразеологизмы с компонентами *не* и *ни* в современном русском языке: семантический аспект // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2012. № 3. С. 369–377.
8. Потапова В.В. Фразеологические единицы с компонентами – сочинительными союзами в русском языке // Молодая филология-2019: Лингвистика, литературоведение, методика преподавания филологических дисциплин : сб. ст. по материалам студенческой конференции. Пермь, 2019. С. 106–109.
9. Чигирь Ю. Семантическая и структурная особенность фразеологизмов с сочинительными союзами // Проблемный и неосферный подходы к реализации средств современного образования в условиях устойчивого развития цивилизации : материалы XVI Московской международной конференции / отв. ред. Е.В. Ковалевская. М., 2017. С. 163–165.
10. Ковшова М.Л. Ни кола ни двора: образ бездомного в русском фольклоре и фразеологии // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В.Н. Телия. М. : Языки славянских культур, 2004. 344 с. С. 208–220.
11. Третьякова И.Ю. Окказиональные преобразования микроидиом и фразеологизмов с сочинительной связью компонентов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2010. № 1. С. 101–105.
12. Ермакова Е.Н., Хлызова Т.Н. Фразеобразующая функция компонентов *не* / *ни* в составе английских фразеологизмов // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 11. С. 265–272.
13. Хлызова Т.Н. Типы варьирования в номинативных фразеологизмах с компонентами *не* / *ни* в русском и *not* / *no* в английском языках // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 2. С. 290–297.
14. Ли А.Д. Русские говоры Коми Республики. Сыктывкар : Изд-во Коми пединститута, 1992. 106 с.
15. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. / сост. Н.А. Ставшина. СПб. : Наука, 2008. Т. 1. 416 с.; Т. 2. 420 с.
16. Федоров А.И. Толковый словарь устаревших слов и фразеологических оборотов русского литературного языка / Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. М. : Восток-Запад, 2012. 894, [2] с.
17. Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л.А. Ивашко. СПб. : Филологический ф-т СПбГУ, 2003. Т. I. 553 с.; Т. II. 470 с.
18. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток-Запад, 2010. 314, [6] с.
19. Гунин Г.П. По Нижней Печоре. М. : Искусство, 1979. 162 с.
20. Кобелева И.А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар : Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2004. 312 с.
21. Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь : Пермский гос. пед. ун-т, 2002. 431 с.
22. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М. : Астрель : АСТ, 2008. 878, [2] с.
23. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М. : Высшая школа, 1989. 287 с.
24. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. 926, [2] с.
25. Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина / науч. ред. Л.А. Ивашко. 13 000 единиц. СПб. : Норминт, 2001. 176 с.

26. *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* / гл. ред. А.С. Герд. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1994–2002. Т. 1–5.
27. *Прокошева К.Н.* Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья. Пермь, 1972. 114 с.
28. *Фразеологический словарь русского языка* / под ред. А.И. Молоткова. М. : АСТ : Астрель, 2001. 512 с.
29. *Словарь современного русского народного говора* (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И.А. Осовецкого. М. : Наука, 1969. 612 с.
30. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М. : Сов. энцикл., 1969. 608 с.
31. *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики* : ок. 8 000 идиом современного русского языка / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселева и др.; под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М. : Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135, [1] с.
32. *Бабкин А.М.* Русская фразеология, ее развитие и источники / отв. ред. В.В. Виноградов. 2-е изд. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 264 с.
33. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Ни два ни полтора: семантика неопределенности в русской идиоматике // *Русский язык в научном освещении*. 2016. № 2 (32). С. 32–45.
34. *Радченко О.А., Закуткина Н.А.* Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // *Вопросы языкознания*. 2004. № 6. С. 25–48.
35. *Урманчеева И.С.* Ритмико-рифмическая организация как проявление конструктивной вариантности печорских и общерусских фразеологизмов // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017. № 50. С. 125–134.
36. *Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий* / отв. ред. В.Н. Телия. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
37. *Арутюнова Н.Д.* Аномалии и язык: (К проблеме языковой «картины мира») // *Вопросы языкознания*. 1987. № 3. С. 3–19.

Phraseological Units Based on Pseudo-Exhaustion in the Lower Pechora Dialects

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 137–153. DOI: 10.17223/19986645/73/8

Irina S. Urmancheeva, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: isurman@rambler.ru

Keywords: subdialects of Local (Lower) Pechora, Pechora phraseology, phraseological units with negation, phraseological units with conjunctions.

The aim of the article is to consider the Lower Pechora subdialect phraseological units, whose construction is based on the procedure of pseudo-exhaustion, i.e. partial enumeration of elements of a semantic set. The Russian subdialects of the Lower Pechora are the speech of the aboriginals of the Ust-Tsilemsky Region of the Komi Republic of the Russian Federation. Fixed expressions which are coordinative phrases with negation are described. The relevance and novelty of the research lie in the fact that this phraseological material has not yet been analysed in a comprehensive manner. So far, scholars have investigated constructions with coordinative conjunctions in comparative, communicative-pragmatic, and other aspects. The *Phraseological Dictionary of Russian Dialects of the Lower Pechora* compiled by N.A. Stavshina was the main source of the research. The all-Russian phraseological units were taken from Russian phraseological dictionaries. In the article, the author views Russian phraseological units broadly, and therefore such units include idioms, proverbs, and sayings. The research methods are linguistic (synchronous) description, definition analysis, context (distributive) analysis, component analysis, as well as taxonomic and descriptive-comparative methods. The pseudo-exhaustion procedure, which belongs to the category of reinterpretation

as one of the components of the category of idiomaticity, is described in the works of A.N. Baranov and D.O. Dobrovolskiy. The research shows that components of constructions with pseudo-exhaustion are in diverse paradigmatic relations: synonymy, antonymy, hyponymy, part and whole, and others, as well as in disjunction relations. The author notes that constituent parts of some phraseological units are scripts or are constructed according to the laws of rhythm-and-rhyme harmonization. The author particularly focuses on the semantics of phraseological units in general and of their individual components, including dialect ones, in particular. The author notes that there are more phraseological units with coordinative conjunctions in the dialect than in the literary language. This can be explained by the presence of dialect variants of all-Russian phraseological units. In addition, some phraseological units include dialect components absent in the literary language. The conclusions are the following. (1) The quantitative prevalence of dialectal constructions with pseudo-exhaustion compared to the literary language can be explained by the wide variation of phraseological units in the dialect, which uses both Russian expressions and their dialect variants. The quantitative composition of coordinative constructions with negation expands due to dialect components that are not generally used in the literary language. (2) Most pseudo-exhaustion constructions possess the semantics of negative evaluation. Neutral and positive evaluation expressions are single. It is likely that the development of positive semantics is hampered by the negative structure of coordinative constructions that are based on the pseudo-exhaustion procedure.

References

1. Baranov, A.N. & Dobrovol'skiy, D.O. (2009) Printsipy semanticheskogo opisaniya frazeologii [Principles of semantic description of phraseology]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 6. pp. 21–34.
2. Baranov, A.N. & Dobrovol'skiy, D.O. (2008) *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow: Znuk.
3. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya: Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology: Semantic, pragmatic, and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".
4. Zhukov, V.P. & Zhukov, A.V. (2006) *Russkaya frazeologiya* [Russian phraseology]. Moscow: Vysshaya shkola.
5. Shanskiy, N.M. (1985) *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of the modern Russian language]. Moscow: Vysshaya shkola.
6. Alefirenko, N.F. & Semenenko, N.N. (2009) *Frazeologiya i paremiologiya* [Phraseology and paremiology]. Moscow: Flinta: Nauka.
7. Khlyzova, T.N. (2012) Frazeologizmy s komponentami ne i ni v sovremennom russkom yazyke: semanticheskii aspekt [Idioms with components ne and ni in modern Russian: the semantic aspect]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. 3. pp. 369–377.
8. Potapova, V.V. (2019) [Phraseological units with components – coordinating conjunctions in Russian]. *Molodaya filologiya–2019: Lingvistika, literaturovedenie, metodika prepodavaniya filologicheskikh distsiplin* [Young Philology–2019: Linguistics, literary criticism, methods of teaching philological disciplines]. Conference Proceedings. Perm: Perm State University. pp. 106–109. (In Russian).
9. Chigir', Yu. (2017) [Semantic and structural specificity of phraseological units with coordinating conjunctions]. *Problemnyy i neosfernyy podkhody k realizatsii sredstv sovremennogo obrazovaniya v usloviyakh ustoychivogo razvitiya tsivilizatsii* [Problematic and neospheric approaches to the implementation of modern education in the context of sustainable development of civilization]. Proceedings of the International Conference. Moscow: [s.n.]. pp. 163–165. (In Russian).
10. Kovshova, M.L. (2004) Ni kola ni dvora: obraz bezdomnogo v russkom fol'klore i frazeologii [Neither house nor home: the image of a homeless person in Russian folklore and phraseology].

phraseology]. In: Teliya, V.N. (ed.) *Kul'turnye sloi vo frazeologizmax i v diskursivnykh praktikakh* [Cultural layers in phraseological units and in discursive practices]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 208–220.

11. Tret'yakova, I.Yu. (2010) Okkazional'nye preobrazovaniya mikroidiom i frazeologizmov s sochinitel'noy svyaz'yu komponentov [Occasional transformations of micro-idioms and phraseological units with coordinating connection of the components]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova – Vestnik of Kostroma State University*. 1. pp. 101–105.

12. Ermakova, E.N. & Khlyzova, T.N. (2012) Phrase-Forming Function of the Components NE/NI and NOT/NO in the Russian and English Phraseological Units. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 11. pp. 265–272.

13. Khlyzova, T.N. (2015) Types of Variation in the Nominative Phraseological Units with Components NE/NI in Russian and NOT/NO in English. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2. pp. 290–297. (In Russian).

14. Li, A.D. (1992) *Russkie govory Komi Respubliki* [Russian dialects of the Komi Republic]. Syktyvkar: Komi Pedagogical Institute.

15. Stavshina, N.A. (2008) *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Nizhney Pechory: v 2 t.* [Phraseological dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora: in 2 volumes]. St. Petersburg: Nauka.

16. Fedorov, A.I. (2012) *Tolkovyy slovar' ustarevshikh slov i frazeologicheskikh oborotov russkogo literaturnogo yazyka* [Explanatory dictionary of obsolete words and phraseological turns of the Russian literary language]. Moscow: Vostok-Zapad.

17. Ivashko, L.A. (ed.) (2003) *Slovar' russkikh govorov Nizovoy Pechory: v 2 t.* [Dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora: in 2 volumes]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University.

18. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2010) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok-Zapad.

19. Gunin, G.P. (1979) *Po Nizhney Pechore* [Along the Lower Pechora]. Moscow: Iskustvo.

20. Kobeleva, I.A. (2004) *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Respubliki Komi* [Phraseological dictionary of Russian dialects of the Komi Republic]. Syktyvkar: Syktyvkar State University.

21. Prokosheva, K.N. (2002) *Frazeologicheskiy slovar' permskikh govorov* [Phraseological dictionary of Perm dialects]. Perm: Perm State University.

22. Fedorov, A.I. (2008) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. 3rd ed. Moscow: Astrel': AST.

23. Mokienko, V.M. (1989) *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic phraseology]. Moscow: Vysshaya shkola.

24. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2007) *Russkaya frazeologiya: Istoriko-etimologicheskiy slovar': ok. 6000 frazeologizmov* [Russian phraseology: Historical and etymological dictionary: approx. 6000 phraseological units]. 3rd ed. Moscow: Astrel': AST: Khranitel'.

25. Ivashko, L.A. (ed.) (2001) *Slovar' pskovskikh poslovits i pogovorok. 13 000 edinit* [Dictionary of Pskov proverbs and sayings. 13,000 units]. St. Petersburg: Norint.

26. Gerd, A.S. (ed.) (1994–2002) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions]. Vols 1–5. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

27. Prokosheva, K.N. (1972) *Materialy dlya frazeologicheskogo slovarya govorov Severnogo Priam'ya* [Materials for the phraseological dictionary of dialects of the Northern Kama region]. Perm: Perm State Pedagogical Institute.

28. Molotkov, A.I. (ed.) (2001) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow: AST: Astrel'.
29. Ossovetskiy, I.A. (ed.) (1969) *Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Ryazanskogo rayona Ryazanskoj oblasti)* [Dictionary of modern Russian folk dialect (village Deulino, Ryazan District, Ryazan Oblast)]. Moscow: Nauka.
30. Akhmanova, O.S. (1969) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 2nd ed. Moscow: Sov. entsikl.
31. Baranov, A.N. et al. (eds) (2007) *Slovar'-tezaurus sovremennoy russkoy idiomatiki: ok. 8 000 idiom sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary-thesaurus of modern Russian idioms: c. 8,000 idioms of the modern Russian language]. Moscow: Mir entsiklopediy Avanta+.
32. Babkin, A.M. (2009) *Russkaya frazeologiya, ee razvitie i istochniki* [Russian phraseology, its development and sources]. 2nd ed. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
33. Baranov, A.N. & Dobrovol'skiy, D.O. (2016) Ni dva ni poltora: semantika neopredelennosti v russkoy idiomatike [Neither two nor one and a half: semantics of uncertainty in Russian idioms]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2 (32). pp. 32–45.
34. Radchenko, O.A. & Zakutkina, N.A. (2004) Dialektnaya kartina mira kak idioetnicheskii fenomen [Dialectal picture of the world as an idio-ethnic phenomenon]. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 25–48.
35. Urmancheeva, I.S. (2017) Rhythm and rhyme organisation as manifestation of structural variability of Pechora and all-Russian phraseological units. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 125–134. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/8
36. Teliya, V.N. (ed.) (2006) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka: Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskiy kommentariy* [The Big Phraseological Dictionary of the Russian Language: Meaning. Use. Culturological commentary]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
37. Arutyunova, N.D. (1987) Anomalii i yazyk: (K probleme yazykovoy "kartiny mira") [Anomalies and language: (To the problem of the linguistic "picture of the world")]. *Voprosy yazykoznaniya*. 3. pp. 3–19.